

А. Ш. Улукмуратова¹, А. В. Комарова^{1,2}✉

Направления и объемы торговых потоков в рамках ЕАЭС

¹Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, Российская Федерация

²Институт нефтегазовой геологии и геофизики им. А. А. Трофимука СО РАН,
г. Новосибирск, Российская Федерация
e-mail: a.komarova@g.nsu.ru

Аннотация. В условиях выраженной асимметрии уровней социально-экономического развития государств – членов Евразийского экономического союза взаимная торговля формируется под воздействием разнородных факторов, природа которых существенно различается в зависимости от страны-партнёра. Настоящая статья посвящена анализу структуры и динамики торговых потоков между Россией и тремя государствами ЕАЭС – Арменией, Кыргызстаном и Казахстаном – за период 2020–2024 годов. На основе данных национальных статистических органов в разбивке по товарным группам ТН ВЭД выделены три качественно различных канала взаимной торговли: базовый (энергоносители и продовольствие), потребительский и транзитно-реэкспортный. Установлено, что введение западных санкций против России в 2022 году послужило структурным разломом, активировавшим реэкспортный канал в Армении и Кыргызстане, тогда как потребительский канал опирается на долгосрочную асимметрию доходов и миграционные связи. Казахстан рассматривается как аналитический контрпример: высокие объёмы торговли с Россией здесь определяются географической близостью и производственной взаимозависимостью, а не миграционным спросом. Показано, что с 2024–2026 годов реэкспортный канал сворачивается под воздействием регуляторных изменений, тогда как потребительский канал сохраняет устойчивость. Полученные результаты имеют практическую значимость для интерпретации торговой статистики ЕАЭС и оценки реальной глубины евразийской интеграции.

Ключевые слова: международная торговля, ЕАЭС, торговые потоки, реэкспорт, параллельный импорт, санкции, асимметрия развития

A. Sh. Ulukmuratova¹, A. V. Komarova^{1,2}✉

Directions and volumes of trade flows within the EAEU

¹Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation

²Trofimuk Institute of Petroleum Geology and Geophysics SB RAS,
Novosibirsk, Russian Federation
e-mail: a.komarova@g.nsu.ru

Abstract. Against the background of significant asymmetry in the levels of socio-economic development among the member states of the Eurasian Economic Union, mutual trade is shaped by heterogeneous factors whose nature differs substantially depending on the partner country. This article analyses the structure and dynamics of trade flows between Russia and three EAEU states – Armenia, Kyrgyzstan, and Kazakhstan – for the period 2020–2024. Drawing on national statistical data disaggregated by HS commodity groups, three qualitatively distinct channels of mutual trade are identified: a baseline channel (energy and food), a consumer channel, and a transit-reexport channel. It is established that the introduction of Western sanctions against Russia in 2022 constituted a structural break that activated the reexport channel in Armenia and Kyrgyzstan, while the consumer channel

rests on long-term income asymmetry and migration linkages. Kazakhstan is examined as an analytical counterexample: its high trade volumes with Russia are driven by geographical proximity and production interdependence rather than migration-induced demand. It is shown that from 2024–2026 onwards the reexport channel is contracting under the impact of regulatory changes, whereas the consumer channel retains its resilience. The findings are of practical relevance for the interpretation of EAEU trade statistics and the assessment of the actual depth of Eurasian integration.

Keywords: international trade, EAEU, trade flows, reexport, parallel imports, sanctions, development asymmetry

Введение

Международная торговля между странами с существенно различающимся уровнем экономического развития подчиняется особой логике, отличной от торговли между сопоставимыми экономиками. В теории гравитационных моделей, получившей развитие применительно к ЕАЭС в работах Жилкина, Балашовой и Абрамовой [1], объём двусторонних торговых потоков определяется прежде всего размером экономик и расстоянием между ними; однако асимметрия уровней развития вносит в эту зависимость дополнительное измерение, формируя устойчивые структурные диспропорции в составе и направленности потоков. В рамках преференциального торгового режима, каким является ЕАЭС, данная асимметрия приобретает особое значение: устранение тарифных барьеров не устраняет разрыва в производственных возможностях, и менее развитые экономики рискуют закрепиться в роли потребителей промышленной продукции более крупного партнёра. Тарасов указывает, что именно эта неоднородность состава союза является одной из ключевых проблем взаимной торговли в ЕАЭС в условиях деглобализации [2].

По данным Евразийской экономической комиссии за 2024 г. Россия формирует около 84% совокупного ВВП союза, тогда как остальные государства-члены существенно уступают ей и по объёму экономики, и по уровню душевого дохода. В литературе торговое измерение евразийской интеграции рассматривалось преимущественно в контексте оценки интеграционных эффектов в целом – в докладах ВШЭ [3] систематически анализируется динамика взаимной торговли, однако страновая дифференциация торговых зависимостей и каналы их воспроизводства изучены значительно менее детально. Роль миграционного фактора как самостоятельного канала формирования торгового спроса в контексте ЕАЭС также остаётся слабо изученной, хотя Айрапетян обращает внимание на специфику армянского торгового вектора в интеграционном пространстве [4].

Между тем события 2022 года создали уникальный естественный эксперимент. Введение западных санкций кардинально изменило конфигурацию торговых потоков внутри союза: Ушкалова фиксирует резистентность российской внешней торговли к санкционному давлению в целом [5], тогда как применительно к переориентации потоков на постсоветское пространство переключение оказалось значимым и неоднородным по странам [6]. Нарбут и Шпаковская показывают, что именно страны ЕАЭС стали основными хабами параллельного импорта в Россию [7]. Рост взаимной торговли ЕАЭС в 2022–2023 годах, который

Глазатова и соавторы характеризуют как рекордный [3], происходил во многом именно через этот канал, а не отражал углубление производственной интеграции.

Настоящая статья анализирует структуру и динамику взаимной торговли России с Арменией, Кыргызстаном и Казахстаном в 2020–2024 годах с целью разграничить долгосрочную структурную зависимость, воспроизводящую асимметрию развития, и конъюнктурный резкспортный эффект санкционного периода.

Результаты и обсуждение

Структура и динамика взаимной торговли в ЕАЭС.

Торговля внутри ЕАЭС характеризуется выраженной асимметрией как по объёмам, так и по направленности потоков. Россия, формирующая подавляющую часть совокупного ВВП союза, выступает доминирующим торговым партнёром для всех остальных государств-членов, тогда как двусторонние потоки между малыми экономиками союза остаются относительно незначительными [ЕЭК, 2024]. Следует оговориться, что детализированная торговая статистика России и Беларуси в разбивке по партнёрам закрыта с 2022 года, в связи с чем товарный анализ в настоящем исследовании опирается преимущественно на данные трёх стран – Армении, Кыргызстана и Казахстана, – по которым национальные статистические органы сохраняют открытую публикацию.

Степень торговой зависимости от России существенно различается в зависимости от уровня экономического развития страны-партнёра. По данным за 2024 год, доля России в совокупном импорте Армении составила 55,3%, Кыргызстана – 22%, Казахстана – 30,8% от общего объёма импорта страны [Армстат, 2024; НСК КР, 2024; БНС РК, 2024]. Вместе с тем сравнение этих долей требует уточнения: Россия является крупнейшим единичным поставщиком для всех трёх стран, однако её положение в структуре импорта неодинаково. В Армении Россия занимает безусловно доминирующую позицию – при доле 55,3% второй по значимости партнёр, Германия, не превышает 2,5% [Армстат, 2024]. В Казахстане Россия также остаётся крупнейшим единичным источником импорта, однако совокупный импорт из остальных стран мира существенно её превосходит. Принципиально иная картина наблюдается в Кыргызстане: здесь первое место занимает Китай (43,7%), тогда как Россия находится на второй позиции (22,0%) [НСК КР, 2024].

Характер армянской торговой зависимости от России примечателен с географической точки зрения: столь высокая доля импорта складывается в отсутствие общей сухопутной границы – товарный поток проходит через территорию Грузии или Ирана, что делает его структурно более уязвимым к логистическим и политическим рискам. Кыргызстан, напротив, связан с российской территорией через Казахстан, что обеспечивает более устойчивый наземный коридор. В товарной структуре армянского импорта из России за 2020–2024 годы прослеживаются три качественно различных тренда. Первый – структурная зависимость по базовым позициям: минеральное топливо (гр. 27) и зерновые (гр. 10) формируют устойчивую основу

импорта, практически не чувствительную к конъюнктурным колебаниям. После аномального пика 2022 года (892,6 млн долл. по топливу) объёмы стабилизировались на уровне 751,9 млн долл. в 2024 году; зерновые на протяжении всего периода держатся в диапазоне 82–138 млн долл. Второй тренд – кратный рост потребительских категорий, ориентированных на домохозяйства: совокупный импорт одежды (гр. 61-63) вырос с 9,3 до 150,2 млн долл. (более чем в 16 раз), мяса – с 6,2 до 37,4 млн долл. (в шесть раз), мебели – с 12,4 до 41,7 млн долл., изделий из кожи – с 0,9 до 14,4 млн долл. (в 16 раз), игрушек и спортивного инвентаря – с 0,9 до 11,8 млн долл. [Армстат, 2024]. Данная динамика согласуется с гипотезой о расширении платёжеспособного спроса, формируемого в том числе устойчивыми потребительскими предпочтениями домохозяйств трудовых мигрантов и притоком релоцировавшихся из России специалистов после 2022 года; детальная верификация данных каналов составит предмет последующего исследования.

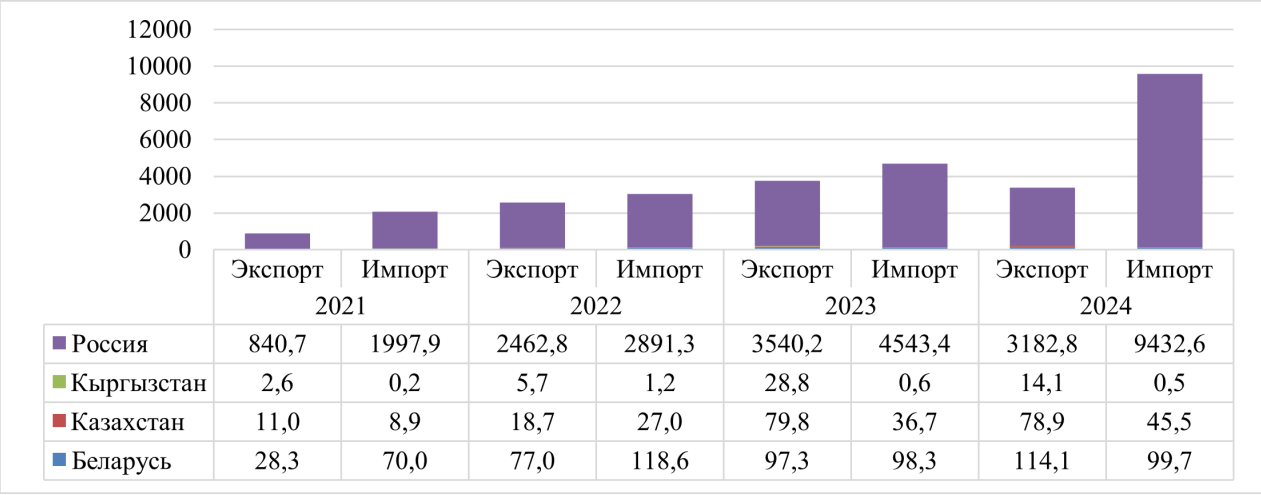

Рис. 1. Торговля Армении со странами ЕАЭС, млн долл. США
Источник: составлено авторами на основе данных Статистического комитета Республики Армения (Армстат)

Третий тренд – транзитно-реэкспортный: импорт по группе 71 (драгоценные металлы и камни) вырос с 62,5 млн долл. в 2020 году до 6 994 млн долл. в 2024 году – в 112 раз, – что многократно превышает ёмкость внутреннего рынка Армении. Масштаб данного потока получил косвенное институциональное подтверждение: в марте 2026 года Президент России подписал указ, вводящий с 1 мая 2026 года ограничения на вывоз аффинированного золота в слитках весом более 100 г – отныне такой вывоз допускается исключительно через четыре аэропорта при наличии разрешения Федеральной пробирной палаты. Тем самым государство фактически признало существование неконтролируемых золотых потоков через страны ЕАЭС и перевело их в режим регулируемого транзита, не упраздняя схему, но ставя её под контроль. Умеренный, но устойчивый рост поставок оборудования и электроники (гр. 84-85: с 103,7 до 167,5 млн долл.) и пластмасс (гр. 39: с 26,5 до 59,7 млн долл.) также частично может отражать

реэкспортные операции, хотя однозначная интерпретация этих позиций затруднена. Механизм транзитного канала рассматривается подробнее в разделе 3.2.

Таблица 1. Динамика импорта Армении из России по отдельным товарным группам ТН ВЭД в 2020–2024 гг., млн долл. США

Категория	Товарная группа	2020	2021	2022	2023	2024
I. Базовый	Топливо и нефть (27)	538,3	685,2	892,6	781	751,9
	Злаки (10)	90,6	83,2	138,4	84,8	82,5
II. Потребительский	Мясо и субпродукты (02)	6,2	11,2	26	33,8	37,4
	Молочная продукция (04)	9,2	10,2	16,8	18,2	19,4
	Сахар и кондитерские изделия (17)	17,6	24,7	10,3	33,7	37,2
	Одежда (61+62+63)	9,3	18,4	21,3	105,2	150,2
	Мебель (94)	12,4	16,3	17,3	29,8	41,7
	Изделия из кожи (42)	0,9	1,2	3,4	9,3	14,4
	Игрушки и спортивный инвентарь (95)	0,9	1,1	2,3	7,7	11,8
III. Транзитный	Драгоценные металлы (71)	62,5	91,1	396,8	2 264,8	6 993,9
	Оборудование и электроника (84+85)	103,7	119,9	174,6	134,2	167,5
	Пластмассы и изделия (39)	26,5	39,8	48,2	67,1	59,7

Источник: составлено авторами на основе данных Армстат, внешняя торговля со странами ЕАЭС по ТН ВЭД (2-значный уровень), 2020–2024 гг.

Схожая трёхуровневая структура импорта прослеживается и в Кыргызстане, хотя пропорции между категориями существенно отличаются от армянских. Базовый тренд представлен минеральными продуктами (преимущественно топливо и ГСМ): их импорт из России вырос с 422,0 млн долл. в 2020 году до 1 060,7 млн долл. в 2024 году, формируя 38,7% всего кыргызского импорта из России и отражая глубокую энергетическую зависимость страны [НСК КР, 2024]. Продукты растительного происхождения (зерновые, мука) также остаются структурно значимыми – 51,4 млн долл. в 2020 году и 92,3 млн долл. в 2024 году, с аномальным пиком в 2022 году на уровне 146,0 млн долл. Потребительский тренд выражен скромнее, чем в Армении: готовые пищевые продукты, напитки и табак выросли с 126,8 до 285,0 млн долл. (в 2,2 раза), продукты животного происхождения – с 21,0 до 50,5 млн долл. (в 2,4 раза). Примечательно, что текстиль и текстильные изделия в кыргызском импорте из России практически не выросли (с 11,9 до 12,2 млн долл.) – в отличие от Армении, где одежда стала одной из наиболее динамичных категорий. Это различие, по всей видимости, объясняется тем, что Кыргызстан сам является значимым производителем и экспортёром швейной продукции. Наконец, транзитный тренд в Кыргызстане также

присутствует, хотя и в менее выраженной форме: машины, оборудование и электроника выросли с 60,0 до 185,4 млн долл. (в 3,1), транспортные средства – с 41,8 до 65,6 млн долл., а драгоценные металлы и изделия из них – с 241,2 до 465,9 млн долл. (в 1,9) [НСК КР, 2024].

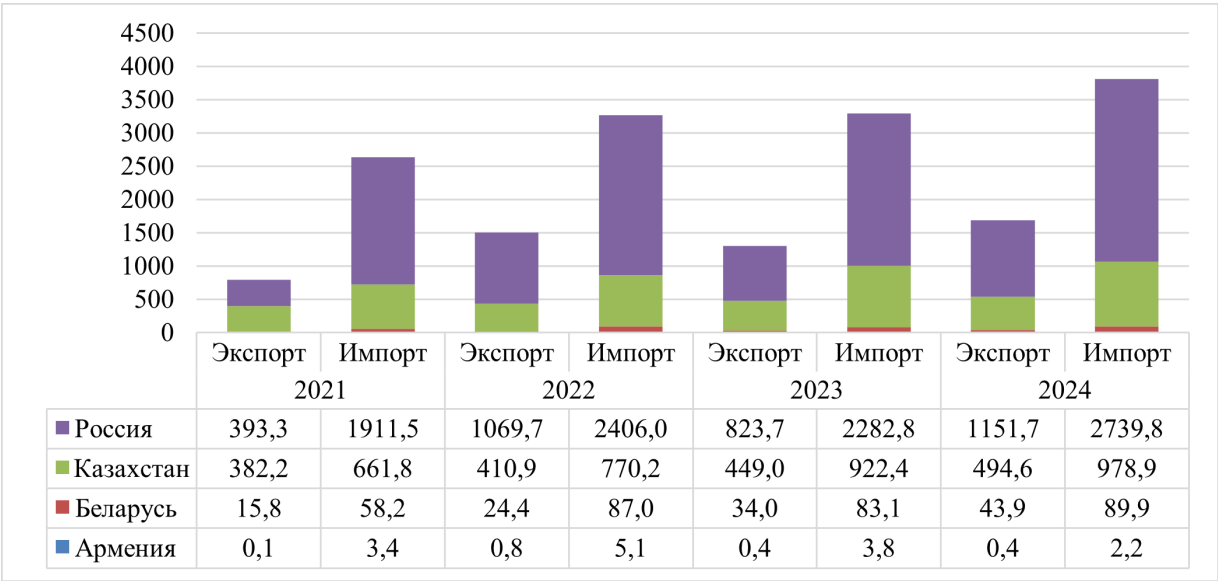

Рис. 2. Торговля Кыргызстана со странами ЕАЭС, млн долл. США

Источник: составлено автором на основе данных Национального статистического комитета Республики Кыргызстан (Нацстатком КР) за 2021–2024 гг.

Качественно иную картину демонстрирует Казахстан. При высокой абсолютной доле российского импорта (30,8%, или 18,6 млрд долл. в 2024 году) казахстанская экономика значительно более диверсифицирована по источникам поставок: совокупный импорт из остальных стран мира превышает российский. Доминирующую роль в двусторонней торговле играет взаимная торговля внутри ЕАЭС – Россия обеспечивает 92,7% казахстанского импорта из стран союза [БНС РК, 2024], что свидетельствует скорее о производственной и логистической взаимозависимости двух смежных экономик, нежели о потребительской зависимости, стимулируемой миграционным каналом (несмотря на заметный приток релокантов из России после 2022 года, этот эффект не выделяется в агрегированной статистике как самостоятельная составляющая). Казахстан – единственная страна союза, сопоставимая с Россией по уровню ВВП на душу населения по ППС (41 771 долл. против 47 362 долл.) [ЕЭК, 2024]: при сближении уровней развития ослабевают как стимулы к трудовой миграции, так и связанные с ней потребительские каналы. Это делает Казахстан аналитически значимым контрпримером: высокие объёмы торговли с Россией здесь не порождены асимметрией доходов и не опираются на миграционный спрос, а определяются географической близостью и структурой производственных цепочек.

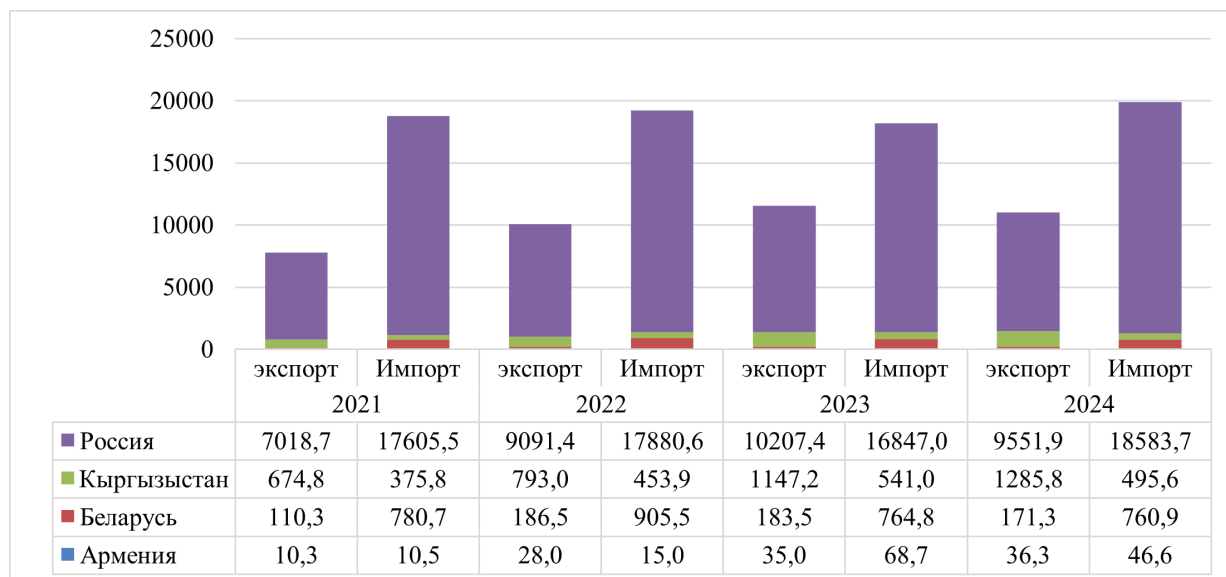

Рис. 3. Торговля Казахстана со странами ЕАЭС, млн долл. США

Источник: составлено авторами на основе данных Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан (БНС АСПиР РК) за 2021–2024 гг.

Трансформация торговых потоков после 2022 года.

Введение западных санкций против России в феврале – марте 2022 года стало структурным разломом, кардинально изменившим конфигурацию торговых потоков внутри ЕАЭС. Ограничения на прямой импорт широкой номенклатуры товаров в Россию создали устойчивый спрос на альтернативные логистические маршруты, и именно наименее интегрированные в российские производственные цепочки страны союза – Армения и Кыргызстан – оказались в положении наиболее удобных транзитных узлов: они располагали действующим членством в ЕАЭС, открытым доступом на российский рынок и минимальными регуляторными барьерами для реэкспорта товаров западного и азиатского производства. Реакция торговой статистики была незамедлительной. Однако интерпретация этих данных требует осторожности: значительная их часть представляет собой реэкспорт товаров иностранного производства, а не продукцию национальных экономик.

Таблица 2. Динамика экспорта Армении и Кыргызстана в Россию, 2020–2024 гг. (млн долл. США)

Страна	2020	2021	2022	2023	2024
Армения	680	841	2 463	3 540	3 183
Кыргызстан	257	393	1 070	824	1 152

Источник: Армстат, 2024; НСК КР, 2024.

Товарная структура экспортного прироста подтверждает реэкспортный характер трансформации. В армянском экспорте в Россию наиболее взрывной рост показали электрические машины и оборудование (гр. 85): с 9,8 млн долл. в 2020

году до 994,9 млн долл. в 2024 году – в 101 раз; машины и механизмы (гр. 84) выросли с 13,9 до 196,9 млн долл. (в 14 раз), оптические и измерительные приборы (гр. 90) – с 17,3 до 115,4 млн долл. (в 6,7 раз) [Армстат, 2024]. Эти категории по определению не могут отражать рост армянского промышленного производства – их объёмы несопоставимы с производственным потенциалом страны. Но самым ярким примером реэкспортного канала 2024 года – это динамика армянской группы 71 (драгоценные металлы и камни), импорт которой из России вырос с 62,5 млн долл. в 2020 году до 6 994 млн долл. в 2024 году – в 112 раз. Параллельно формировался симметричный экспортный поток: доля ОАЭ в армянском экспорте достигла 40,1% в 2024 году [Армстат, 2024]. Совокупность этих данных указывает на устойчивую схему: российское золото поступает в Армению и далее реализуется в третьих странах, обходя прямые санкционные ограничения на экспорт российских драгоценных металлов. В кыргызском экспорте в Россию доминирующей категорией после 2022 года стали текстиль и текстильные изделия: с 67,6 млн долл. в 2020 году до 412,5 млн долл. в 2022 году и 318,4 млн долл. в 2024 году [НСК КР, 2024]. В отличие от Армении, здесь речь идёт преимущественно о национальном производстве – швейная промышленность Кыргызстана является одной из наиболее развитых в стране. Однако другие категории явно указывают на реэкспорт: машины и оборудование выросли с 12,3 млн долл. в 2020 году до 258,8 млн долл. в 2024 году (в 21 раз), обувь и головные уборы – с 1,6 до 150,7 млн долл. (в 95 раз). Кроме того, оптические и измерительные приборы показали рост с 1,3 до 47,8 млн долл. (в 37 раз). Таким образом, кыргызский экспортный прирост носит смешанный характер: частично он опирается на реальное производство, частично – на транзитные схемы. Казахстан также зафиксировал рост экспорта в Россию в 2022 году – порядка 30%, – однако под давлением угрозы вторичных санкций со стороны США уже с апреля 2023 года ввёл систему онлайн-отслеживания товаров, существенно ограничившую реэкспортный канал; тем самым Казахстан раньше Армении и Кыргызстана приступил к демонтажу транзитных схем.

Реэкспортный канал по товарам параллельного импорта также демонстрирует признаки сворачивания. С 1 июня 2026 года в России вводится система предварительного отслеживания товаров (СПОТ), обязывающая импортёров за два дня до ввоза подавать уведомление и вносить обеспечительный платёж в счёт НДС и акцизов; с 1 июля 2026 года товары без QR-кода системы не допускаются к ввозу. Механизм не запрещает параллельный импорт как таковой, однако существенно повышает его транзакционные издержки и устраняет серые схемы, на которых строилась транзитная рента Армении и Кыргызстана. Одновременно, по данным Российского экспортного центра, несырьевой неэнергетический экспорт России в Армению вырос на 9,7% в 2024 году – тогда как совокупный экспорт из России в Армению сократился на 10,7%. Это кажущееся противоречие объясняется именно сжатием реэкспортного канала при одновременном росте поставок отечественной продукции: две тенденции разнонаправлены, но происходят одновременно.

Таким образом, трансформация торговых потоков после 2022 года носила двухфазный характер. На первом этапе (2022–2023) к традиционному потребительскому каналу добавился мощный реэкспортный, резко увеличивший совокупные показатели взаимной торговли Армении и Кыргызстана с Россией. На втором этапе (с 2024–2026) реэкспортный канал начал сворачиваться под воздействием регуляторных изменений с российской стороны, тогда как потребительский канал сохраняет устойчивость, опираясь на более глубокие структурные факторы – асимметрию уровней развития и сложившиеся хозяйственные связи между странами союза.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сформулировать несколько выводов относительно природы торговых связей внутри ЕАЭС в период 2020–2024 годов.

Во-первых, торговая асимметрия между Россией и малыми экономиками союза носит структурный характер и не является следствием исключительно интеграционного режима: она воспроизводится через зависимость от российского импорта базовых товаров – энергоносителей и продовольствия, – которая сохраняется вне зависимости от конъюнктурных колебаний.

Во-вторых, события 2022 года наложили на эту структурную зависимость принципиально иной по природе реэкспортный канал. Армения и Кыргызстан воспользовались своим положением членов ЕАЭС для организации транзита санкционных товаров и российского золота, что многократно увеличило совокупные показатели взаимной торговли, не изменив при этом производственной базы этих экономик. Казахстан, располагающий более диверсифицированной и сопоставимой с Россией структурой экономики, раньше других приступил к ограничению реэкспортных схем под давлением угрозы вторичных санкций.

В-третьих, реэкспортный канал обнаруживает признаки устойчивого сворачивания: регуляторные изменения со стороны России – введение системы СПОТ с июня 2026 года и ограничений на вывоз аффинированного золота – существенно повышают его транзакционные издержки. Тогда как потребительский канал, опирающийся на устойчивую асимметрию доходов и миграционные связи, сохраняет свои позиции.

Таким образом, взаимная торговля в ЕАЭС представляет собой наложение двух разнородных по своей природе феноменов: долгосрочной структурной зависимости, воспроизводящей асимметрию развития, и краткосрочного реэкспортного эффекта, ставшего ответом на внешний шок. Разграничение этих двух слоёв является необходимым условием как для корректной интерпретации торговой статистики союза, так и для оценки реальной глубины экономической интеграции в ЕАЭС.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, грант № 25-28-03163.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Айрапетян В. Л. Внешняя торговля Армении: международное и евразийское направление // Научный результат. Экономические исследования. – 2023. – Т. 9, № 2. – С. 5–15.
2. Глазатова М. К., Абуова Д. Г., Аветисян С. С. [и др.]. Оценка интеграционных процессов ЕАЭС в сфере торговли: 2024 : международный доклад НИУ ВШЭ. – М. : Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2024. – 350 с.
3. Тарасов А. Г. ЕАЭС: анализ проблем взаимной торговли в условиях деглобализации // Международная торговля и торговая политика. – 2024. – Т. 10, № 4(40). – С. 134–145.
4. Приходько А. А. Экспорт Белоруссии в условиях внешних ограничений // Россия и новые государства Евразии. – 2023. – № 3(60). – С. 22–36.
5. Шайхутдинова Ф. Н. Подходы к интенсификации промышленной кооперации между странами ЕАЭС // Глобальный научный потенциал. – 2024. – № 11–1(164). – С. 224–227.
6. Ушкалова Д. И. Внешняя торговля России: предварительные итоги второго года противостояния санкционному давлению // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2023. – № 6. – С. 43–64.
7. Нарбут В. В., Шпаковская Е. П. Векторы развития внешней торговли России в условиях санкций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. – 2023. – Т. 31, № 1. – С. 131–148.

© А. Ш. Улукмуратова, А. В. Комарова, 2026